

ФИЛОСОФСКИЕ СМЫСЛЫ КОММУНИКАЦИИ

Публицистика А.И. Солженицына как средство культурфилософской коммуникации

A.I. Solzhenitsyn's Journalism as a Means of Cultural and Philosophical Communication

DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-1-38-45

Получено: 17 ноября 2023 г. / Одобрено: 20 декабря 2023 г. / Опубликовано: 26 февраля 2024 г.

И.Ю. Макаrchук

Кандидат юридических наук, доцент кафедры философии,
Сибирский федеральный университет,
ORCID: 0000-0003-2632-2772,
Researcher ID: 846820,
г. Красноярск, Россия,
e-mail: imakarchuk@sfu-kras.ru

I.Yu. Makarchuk

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Siberian Federal University,
ORCID: 0000-0003-2632-2772,
Researcher ID: 846820,
Krasnoyarsk, Russia,
imakarchuk@sfu-kras.ru

Аннотация

Публицистика традиционно рассматривается в качестве одного из средств эффективной коммуникации. При этом нередко писатели используют публицистическое слово для трансляции своей мировоззренческой позиции относительно социокультурных феноменов, соответственно высказывая оригинальные суждения культурфилософского свойства. К числу таких авторов безусловно относится выдающийся русский писатель, мыслитель, историк, исследователь культурных и философских аспектов российской истории, общественный деятель Александр Исаевич Солженицын (11.12.1918–03.08.2009), 105-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. Целью настоящей статьи является рассмотрение того, какие культурфилософские идеи сообщал современникам и будущим поколениям в своих публицистических работах данный писатель. Методологическую основу исследования составили общенаучные и междисциплинарные методы, а также культурологический анализ и культурно-философская традиция. По результатам проведенного исследования автор приходит к заключению о том, что А. И. Солженицын активно использовал свои публицистические работы для культурфилософской коммуникации с читателями, что выразилось в философско-культурологической рефлексии по поводу таких феноменов, как, например, свобода, нация, правда и ложь, мораль, нравственность, духовность.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, публицистика, коммуникация, культурфилософия, Россия, революция, Бог.

Abstract

Journalism is traditionally considered as one of the means of effective communication. At the same time, writers often use a journalistic word to broadcast their ideological position regarding socio-cultural phenomena, respectively expressing original judgments of a cultural-philosophical nature. Among such authors is undoubtedly the outstanding Russian writer, thinker, historian, researcher of cultural and philosophical aspects of Russian history, public figure Alexander Solzhenitsyn (11.12.1918–03.08.2009), whose 105th birthday is celebrated this year. The purpose of this article is to consider what cultural philosophical ideas this writer communicated to contemporaries and future generations in his journalistic works. The methodological basis of the research was made up of general scientific and interdisciplinary methods, as well as cultural analysis and cultural and philosophical tradition. According to the results of the research, the author comes to the conclusion that A. I. Solzhenitsyn actively used his journalistic works for cultural and philosophical communication with readers, which was expressed in philosophical and cultural reflection on such phenomena as, for example, freedom, nation, truth and lies, morality, morality, spirituality.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn, journalism, communication, cultural philosophy, Russia, revolution, God.

Введение

Публицистика — одно из фундаментальных понятий современного гуманитарного знания, феномен культуры, отражающий многообразие форм социальной деятельности человека. Будучи особым, уникальным видом интеллектуально-творческой словесной деятельности человека, публицистика направлена на постановку, обсуждение и возможное разрешение актуальных общественных проблем [19, с. 56–57]. Соответственно, публицистическое произведение — это эмоционально окрашенный смысловывявляющий текст, претендующий на оценочную объективность, присущий гуманитарной парадигме мышления [16, с. 135–136], объединяющий различные аспекты социокультурной жизни в единый смы-

словой контекст. Вследствие этого публицистика выступает глобальным пространством для коммуникации, обмена идеями и опытом относительно актуальных социокультурных проблем. Как отмечал О.Я. Гойхман в ставшей классической статье «Коммуникативистика в современном обществе», культурная функция коммуникативного пространства заключается в сохранении национальной культуры и благоприятствовании их развитию, поощрении возрождению культурных традиций, использовании достижений прошлого в области культуры, рассмотрении национальной культуры через общечеловеческую культуру [8, с. 4–5].

Согласно традиционному пониманию, для публициста первоочередное значение имеет принятие его

произведения именно современниками, поскольку главным образом оно предназначено для актуальной аудитории и направлено на развитие единомыслия с автором, обновление их мировоззренческой позиции, побуждение к ожидаемой активности. Для этого текст должен широко и разностороннее освещать выбранную тему, а публицистический слог должен быть эмоциональным и прицельным, авторское видение должно отличаться чёткостью и однозначностью, и наконец, проблема должна рассматриваться в ретроспективном и проспективном ракурсах [20, с. 25; 24, с. 19]. Соответствие текста перечисленным канонам публицистического стиля помогает читателю сложить полное и всестороннее представление об описываемой проблеме, разобраться в «невидимых» её аспектах. По-настоящему выдающийся публицистический текст начинает удерживать читательское внимание с первых строк, увлекая в глубины авторской мысли своей динамикой и образностью.

В границах публицистического и литературного творчества визуализируется феномен писательской публицистики. Последняя способна проникать в суть времени, являя свой текст через трансформацию реальности в публицистическую форму и применение художественных приемов. В результате мы получаем насыщенные и выразительные публицистические произведения, которые к тому же отражают особенности мышления писателя, его философско-культурологической картины мира.

Обзор литературы

Стоит отметить, что в пространстве современной коммуникативистики рассматриваются вопросы успешного коммуникативного взаимодействия между автором и читателем в письменном, в том числе публицистическом дискурсе. Например, О.С. Федотова констатирует, что при чтении литературных произведений необходимо совпадение многих параметров для того, чтобы участники коммуникации нашли общий язык. А такие факторы как разница во времени, в образовании, в мировоззрении могут оказывать существенное влияние на понимание читателем идеи текста. При этом, чем больше параметров совпадает, тем большее понимание достигается между автором и читателем [30, с. 10].

А.И. Солженицын воспринимается исследователями не только как автор художественных текстов, но и в качестве выдающегося публициста [12, с. 163; 25, с. 108], пережившего несколько эпох и являвшегося очевидцем описываемых событий и процессов [28, с. 282]. Его публицистические работы созвучны российской культурологической рефлексии [32, с. 96–97], носят исповедально-проповеднический [3, с. 646; 15, с. 19; 28, с. 281], прогностический (про-

роческий) [1, с. 51–52; 26, с. 630; 29, с. 207, 210] и просветительский [15, с. 19; 35, с. 242] характер, сохраняют актуальность до настоящего времени.

Ряд авторов указывает на то, что публицистические тексты А.И. Солженицына следует рассматривать в качестве комментариев к его художественным произведениям, содействующим пониманию последних [6, с. 28; 9, с. 21; 32, с. 96–97], а также на неотделимость (связанность) художественных и публицистических произведений [3, с. 646; 11, с. 51; 34, с. 54–55; 36, с. 290–291] писателя. Более того, поскольку наиболее полно представить публицистические работы возможно лишь при их сопоставлении [35, с. 5], то нередко исследователи рассматривают публицистику А.И. Солженицына в качестве единого, цельного, внутренне идейно и тематически объединённого текста [6, с. 28–29; 17, с. 139–140; 18, с. 40].

В литературе отмечено, что писателя огорчал факт наличия большего количества откликов на его публицистические работы, чем на художественное творчество, поскольку он считал свои статьи, интервью и речи вынужденным и второстепенным для себя делом [5; 35]. Как пишет А.С. Немзер, «много раз Солженицын повторял, что он в первую очередь писатель, что его публицистика <...> частью надиктована конкретными обстоятельствами, частью «договаривает» сказанное в художественной прозе» [27, с. 5]. А. И. Солженицын в связи с публицистической активностью опасался отдаления от письменного стола, втягивания в публичную деятельность. В связи с этим, неоднократно акцентировал внимание на том, что следует прекратить растрчивать себя в телеграммах, речах, интервью и как следствие непреклонно отклонял одно приглашение за другим, хотя их были десятки [22, с. 705, 731–732, 768].

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составили общенаучные (индукция, дедукция, анализ) и междисциплинарные методы (системно-функциональный, биографический). Кроме того, мы обращались к культурологическому анализу и культурно-философской традиции.

Результаты

В статье «*На возврате дыхания и сознания*» (1973) писатель возвращается к давнему спору с А.Д. Сахаровым относительно природы социализма, идеи конвергенции и к вопросу о несамодостаточности «интеллектуальной свободы» [17, с. 39]. В данной работе писатель сжато выстраивает свою аргументацию, подчиняя политику морали: первая имеет значение, но значимость морали выше, ибо нравственность шире политики [26, с. 53–54]. Ключевым понятием

для А.И. Солженицына в этой публикации является свобода [7, с. 135]. При этом он поясняет, что ничем неограниченная внешняя свобода не способна спасти человека, приводя пример того как народ распорядился своей свободой в революционный период начала XX в. Равно как и любая свобода — ценна, но она лишь средство на пути к достижению высших целей, среда для нашего развития. Гораздо ценней внутренняя свобода, принадлежащая человеку от рождения, и непрерываемая внешними обстоятельствами, поскольку укоренена в нашей воле. Во внешне несвободной обстановке человек не утрачивает возможности к нравственной эволюции, а дополнительное противодействие в таких условиях позволяет ещё больше упробиться в своих стремлениях.

«*Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни*» (1973) писатель признавал важнейшей своей программной работой. В статье было предложено осмысливать бытие наций в тех же духовно-нравственных категориях, что и рассматривается жизнь отдельных людей [21, с. 401]. Соответственно «раскаяние» и «самоограничение» представлены как идеалы духовного совершенствования, являющиеся ступенями для восхождения человечества на новый уровень развития, который дал бы возможность совместить пристальное внимание к духовной, внутренней жизни с современными материальными достижениями [9, с. 4]. Данные категории представляют собой мощные инструменты социокультурной рефлексии и позволяют субъектам последней лучше понять своё истинное «Я» и обрести гармонию с окружающим миром.

В данной работе А.И. Солженицын также констатировал, что человек способен неузнаваемо меняться в течении жизни, поэтому за свою душу ответственны только мы, а не факт рождения или окружающий мир. И не следует полагать, что раскаяние — конечная точка нравственного развития, напротив, оно способно лишь открыть путь для новых отношений и трансформаций. Поэтому с раскаяния начинается духовное возрождение и рост (человека, направления общественной мысли, нации). Так как раскаяние создаёт атмосферу для дальнейшего духовного движения, то за ним следует самый естественный принцип — самоограничение, который применим во многих сферах, в том числе культурной. В целом самоограничение носит универсальный и полезный характер, поскольку умиротворяет потребительские стремления, приоритизирует морально-нравственные ценности, способствует сохранению индивидуальности человека.

В «*Письме вождям Советского Союза*» (1973) сформулированы некоторые элементы новой национальной идеи, предполагающей сосредоточение на фи-

зическом сбережении народа, в том числе его нравственного здоровья, переориентацию с вопросов внешних на внутренние, разрешение наболевших национальных проблем, порожденных революцией и последующими травмировавшими народ событиями.

В указанной статье русская история представлена как национальный успех, значимое действие, результат народного инициативно-творческого созидания, которые важно беречь и поддерживать. Приведённые аспекты позволяют говорить о правах и самоуважении русской нации, которая в случае опоры на народность и православие способна обеспечить себе нравственно ориентированную власть [31, с. 179, 186–187]. В понимании писателя, любые дальновидно ориентированные политические субъекты должны руководствоваться приматом нравственности над любыми прагматическими расчётами [34, с. 53–54]. Также А.И. Солженицын акцентирует внимание на том, что такие социокультурные феномены как свобода и порядок, имеют пределы своей реализации. Несмотря на то что свобода нравственна, имеется риск её перехода в самодовольство и разнузданность, а порядок — может трансформироваться в произвол и тиранию. Противодействовать этому могут свободное искусство, литература, издание философских, нравственных и других исследований. Наряду с этим в статье были рассмотрены проблемы школьного образования, традиционных ценностей, роль культуры в общественном развитии и градостроительстве, а также северо-восточный вектор русской культуры.

Воззвание «*Жить не по лжи!*» (1974) в контексте биографии писателя касается самых сокровенных глубин человеческого существования — не только политической организации общества, но и каждой отдельной личности, так как подразумевает веру в способность одного человека противостоять всеобщему конформизму, системе ложных ценностей. В этой связи Л.И. Сараскина отмечает, что за рамками рассматриваемой публицистической работы остался ряд онтологических аспектов прикладного свойства: конкретные примеры уже живущих не по лжи, всегда ли можно жить не по лжи в частной жизни? где границы этого принципа? как вести себя с врагом, соперником, конкурентом? [23, с. 456–458].

Анализируя название рассматриваемой публикации, В.В. Колесов пишет, что автор заменил старинную «формулу справедливости» жить по правде (т.е. жить по совести) современным её вариантом жить не по лжи [13, с. 302]. Как известно, А.И. Солженицын вообще «тесно связывал отрицательную, негативную и утверждающую, активную стороны своей нравственно-философской и художественной, эстетической концепции в идее правды, слова правды» [2, с. 288],

поэтому язык «Жить не по лжи!» — язык нравственности, а не религиозный язык [5, с. 221]. Для писателя максима «жить не по лжи» означала не только трансляцию правды, но и стремление к освобождению от иллюзорных представлений, искреннее самоопределение и действие в соответствии с собственными ценностями. Жить не по лжи символизирует подлинное существование, стремление к глубинному познанию реальности, нахождение в активном поиске истины, несмотря на её нередкую сокрытость, искажённость и многообразие интерпретаций.

Учитывая изложенное, спорной представляется позиция С.М. Волкова, который, в том числе упоминая работу «Жить не по лжи!», пишет: «У программных посланий Солженицына советских времен была одна роковая слабость: отсутствие чёткого адресата. <...> Его заявления могли произвести сильное общественное впечатление при своём появлении (а также составить потенциально интереснейший материал для историков), но их текущий практический эффект обыкновенно оказывался неопределённым» [4, с. 318–319]. Напротив, писатель всегда представлял субъектов «ближних» и «дальних», до которых он хочет донести соответствующие мысли и побуждения, что нередко находило отражение и в самих наименованиях публицистических работ, например: «Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР», «Всероссийскому Патриарху Пимену», «Письмо вождям Советского Союза», «Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви».

Речь в Гарварде (1978) посвящена не столько политической, как нередко принято полагать, сколько морально-философской проблематике. Исследователи, как правило, больше внимания уделяют её политическому аспекту, чем нравственным вопросам, в первую очередь волновавшим А. И. Солженицына. В пространстве этой речи писатель даже политические аспекты представил с морально-этической точки зрения. В выступлении автор обращался к проблеме истинного и ложного понимания счастья, запоминания о божественности души, усмирения низменных страстей, сохранения духовной жизни и свободы [34, с. 54–55]. Д.М. Штурман полагает, что выбор А.И. Солженицыным слушательской аудитории (выпускники Гарвардского университета текущего и прошлых лет, преимущественно представленные молодым поколением и в значительной части негативно настроенные по отношению к западному обществу) для трансляции соответствующих воззрений был не случаен, так как и в его эпоху «Красное Колесо» экстремизм молодежи, её радикализм и нежелание терпеливо корректировать жизнь осторожными, а не разрушительными шагами, представ-

лены как один из истоков российской трагедии XX в. [35, с. 159–160].

Говоря о свободе, писатель отмечал, что внешняя свобода (политическая, социальная) хотя и необходима для человека, она, тем не менее, может и отсутствовать, а личность при этом может быть внутренне свободной, при условии неустанного самосовершенствования (аналогичные мысли были высказаны им в статье «На возврате дыхания и сознания»). В качестве примера писатель приводил ситуацию, когда люди в новейшее время получили искомую свободу и заметные блага, но вместо всеобщего счастья и размеренного духовного развития продолжается алчная соревновательная гонка, а значит человеческое падение. Из этого следует, что внешняя свобода — разрушительна и безответственна, поскольку исходит из представления о хозяйствующем положении человека в мире, а также из беззлой природы человека, но порочности социальных систем (гуманистическая традиция).

Из этого следует, что писатель настороженно относился к свободе и благополучию без роста высоких духовных потребностей, без обретения приоритета возвышающих человека и общество устремлений над потребительскими целями и задачами [35, с. 167]. Соответственно этический императив главной задачи человека был озвучен в конце речи и предполагал понимание жизни как опыта духовно-нравственного возвышения, мужественное несение постоянного и трудного долга с отказом от добывания благ и упования мирскими радостями [10, с. 12; 34, с. 55]. В этом ключе закономерным представляется мнение Е.С. Холмогорова, который приходит к выводу, что для самого писателя Гарвардская речь — манифест его антипросвещенческой философии, приложенной к Западу, поскольку в ней автор отрицает универсализм, стремящийся привести все исторические миры под единый стандарт, критикует конвергенцию как продукт универсалистского просвещенческого подхода, утверждает множественность самобытных цивилизаций [31, с. 189–190]. Действительно, писатель в рассматриваемой речи настаивал, что любая устоявшаяся культура, с широкой географией распространения должна восприниматься как автономный и самобытный мир, значимыми сторонами которого являются образование и культура.

Важное место в коммуникативном векторе публицистических произведений А.И. Солженицына занимали *христианские идеи*. По мнению Д.М. Штурман, религиозность в понимании писателя складывается из самоограничения, мужества и ответственности [35, с. 113]. Поэтому он полагал, что именно потеря религиозности стала почвой для революционных событий. Применительно к поколению пи-

сателя уместно ставить вопрос не об утрате веры в Бога, а об основательном и системном её изгнании. Соответственно, А.И. Солженицын идеи христианства транслирует не с позиции необходимости веры, а через демонстрацию катастрофичности последствий неверия [14, с. 107], имевшего место в России в до-революционный и постреволюционный периоды.

Такого рода неверие влечёт за собой пустоту, бессмысленность бытия, порождает глубокие духовные кризисы личности и общества. Данные триггерные точки безверия представлены в публицистике писателя в аспекте антикультуры, разрушения культуры, «расхищения» души [6, с. 30]. В понимании писателя безбожие ведёт к утрате связи человека с высшими идеалами, который начинает ориентироваться исключительно на мирской успех, материальные блага и удовольствия, что приводит к разрушению морального остова личности. Напротив, отказ от захватнических амбиций и движение вглубь духовного мира наполняет жизнь смыслом, помогает пережить трудности и найти гармонию в мире. Причём проблема религиозного неверия и его последствий применима не только к отдельному человеку, но и ко всему обществу.

Значимую роль в культурном наследии писатель придаёт Русской православной церкви, но не считает необходимым участие этого института в управлении государственными делами. Верховный правитель, по мнению А.И. Солженицына, должен как минимум уважительно относиться к христианским заповедям, а в идеале — быть верующим. В статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», к которой мы обращались выше, автор иллюстрирует способность христианских идей (например, самоукорения, саморазоблачения, любви к ближнему, прощения) содействовать примирению и доверию в отношениях между всеми этносами мира. В указанной публикации был сформулирован нравственный императив писателя, согласно которому мировая разделительная линия добра и зла проходит не между странами и народами, классами, хорошими и плохими людьми, но она пересекает сердце каждого человека и способна к колебаниям под влиянием времени и поступков.

Писатель также утверждал, что зло берёт своё начало в гуманистической традиции эпохи Возрождения, своим учением породившей отдаление от Бога, разъединение прав личности и ответственности перед Богом. К современным общественным неурядицам и кризису западной цивилизации привело человеческое ощущение неограниченной свободы от религиозной ответственности перед Высшей Волей, отказом от попыток выявления Божьего замысла и произволом в отношении окружающего мира.

Одновременно были подвергнуты забвению ценности, продуцирующие истинный смысл жизни, а возвышение получили материальные блага и стремление к социальным построениям.

Наиболее полное понимание А.И. Солженицыным той роли, которую призвана играть вера в Бога в жизни и истории, изложено в «Темптованской лекции» (1983). В лекции проблемы религиозности писатель представил через призму конкретного исторического и жизненного опыта — собственного, близких людей и всего народа. Главная особенность XX в., обусловившая революцию и другие глобальные катаклизмы и их негативные последствия, заключается в том факте, что «Люди забыли Бога» [26, с. 51–52]. Такое забвение сделало людей безоружными и перед своими страстями, и перед вечным метафизическим злом [33, с. 4], поскольку человек не пытается выявить Божий замысел, а стремится заменить собою Бога [10, с. 8], тем самым приравняв себя к нему. Вместо того чтобы просто следовать за его волей и замыслом. Поэтому человечество, погружённое в атеизм, раздробленность и как следствие самоуничтожение являют собой движение в духовную бездну. В конечном итоге спасение мира будет зависеть от человеческих факторов — совести, просветления, личных и коллективных усилий. Ориентиром здесь может стать социокультурный опыт России, когда общественным идеалом была не знатность и богатство, но стремление к духовному росту, святости образа жизни, наполненного православием. Вера объединяла и обеспечивала устойчивость нации, пронизывала не только самосознание, характер и поведение человека, а также семейный быт и трудовой уклад, очерёдность дел.

Заключение

А.И. Солженицын активно использовал свои публицистические работы для культурфилософской коммуникации с читателями, что выразилось в рассмотрении им значимого количества проблем философско-культурологического свойства.

Так, для писателя внешняя свобода являлась всего лишь средством на пути к достижению высших целей, средой для духовного развития. В качестве подлинной ценности он признавал свободу внутреннюю, принадлежащую человеку от рождения, и непрерываемую никакими внешними акторами. Для подтверждения своей позиции он обращался к российскому культурно-историческому опыту, когда люди в новейшее время получили искомую свободу и заметные блага, но вместо всеобщего счастья и размеренного духовного развития продолжали гонку за материальными благами. Для внутренне свободного человека приоритетом становится жизнь не по

лжи, символизирующая собой подлинное существование, стремление к глубинному познанию реальности, нахождение в активном поиске истины.

Значимое внимание А.И. Солженицын уделял морально-нравственному состоянию наций, бытие которых он предложил рассматривать в границах тех же категорий что и жизнь отдельных людей. По этой причине «раскаianie» и «самоограничение» представлены как идеалы духовного совершенствования, являющиеся этапами восхождения человечества на новый уровень развития, позволяющий совместить внимание к внутренней жизни с современными материальными

достижениями. Мировому сообществу не следует забывать о важности не только физического сбережения любых наций, но и духовного сохранения последних.

Важное место в коммуникативном векторе публицистических произведений А.И. Солженицына также занимали христианские идеи. Писатель полагал, что безбожие человека приводит его к утрате связи с духовными идеалами, а это приводит к разрушению моральных основ личности. Напротив, отказ от мирских амбиций и движение в глубь души наполняет жизнь смыслом, помогает пережить трудности и найти гармонию в мире.

Литература

1. Байбатьрова Н.М. Прогностическая публицистика авторов русского зарубежья второй половины XX века [Текст] / Н.М. Байбатьрова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8 «Литературоведение. Журналистика». — 2016. — № 1. — С. 51–56.
2. Ванюков А.И. Литературный XX век: перевалы, перекрёстки, перепутья [Текст] / А.И. Ванюков. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2017. — 324 с.
3. Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы [Текст] / И.И. Виноградов. — М.: Русский путь, 2005. — 672 с.
4. Волков С.М. История русской культуры XX века от Льва Толстого до Александра Солженицына [Текст] / С.М. Волков. — М.: Эксмо, 2008. — 352 с.
5. Герасимова Л.Е. Религиозный смысл статьи А.И. Солженицына «Жить не по лжи!» [Текст] / Л.Е. Герасимова // Межрегиональные Пименовские чтения. — 2014. — № 11. — С. 217–225.
6. Герасимова Л.Е. Художественное слово в публицистике А.И. Солженицына [Текст] / Л.Е. Герасимова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». — 2014. — Т. 14. — № 2. — С. 27–31.
7. Глухова Н.И. Восприятие пространства несвободы в поэтических произведениях А.И. Солженицына [Текст] / Н.И. Глухова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2021. — Т. 25. — № 1. — С. 135–142.
8. Гойхман О.Я. Коммуникативистика в современном обществе [Текст] / О.Я. Гойхман // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2012. — Т. 1. — № 1. — С. 4–8.
9. Голубков М.М. Александр Солженицын [Текст] / М.М. Голубков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — 111 с.
10. Голубков М.М. В пространстве прозы А.И. Солженицына: общие художественные принципы [Текст] / М.М. Голубков, Е.В. Жуйкова // Филологическая регионалистика. — 2013. — № 2. — С. 7–12.
11. Иванова М.В. «Пророческое служение» А.И. Солженицына (русская эмиграция о писателе) [Текст] / М.В. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. — 2008. — № 2. — С. 51–59.
12. Кожокин Е.М. Александр Солженицын и политика [Текст] / Е.М. Кожокин // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 1. — С. 149–166.
13. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с.
14. Кругликова О.С. Ф.М. Достоевский и А.И. Солженицын: преемственность идей в публицистике [Текст] / О.С. Кругликова, К.А. Шаповалова // Тетради по консерватизму. — 2019. — № 1. — С. 103–117.
15. Куликова Т.Д. Публицистика А.И. Солженицына. Процесс коммуникации: от информационного бума до информационного вакуума: 1960–1994 гг. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Д. Куликова. — Ростов н/Д, 2004. — 22 с.
16. Марущак А.В. Специфика публицистических текстов отечественной прессы периода хрущевской «оттепели» (1953–1964 годы) [Текст] / А.В. Марущак // Филология и человек. — 2009. — № 1. — С. 134–141.
17. Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель [Текст] / Ж. Нива. — СПб.: Вита Нова, 2014. — 354 с.
18. Паламарчук П.Г. Александр Солженицын: Путеводитель [Текст] / П.Г. Паламарчук. — М.: Столица, 1991. — 96 с.
19. Полонский А.В. Публицистика как особый вид творческой деятельности [Текст] / А.В. Полонский // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2008. — Т. 11. — № 1. — С. 56–61.
20. Прохоров Е.П. Искусство публицистики [Текст] / Е.П. Прохоров. — М.: Сов. писатель, 1984. — 359 с.
21. Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918–2008 [Текст] / Сост., подгот. текста и общ. ред. Л.И. Сараскиной. — М.: Русский путь, 2009. — 480 с.
22. Сараскина Л.И. Солженицын [Текст] / Л.И. Сараскина. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 992 с.
23. Сараскина Л.И. Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры [Текст] / Л.И. Сараскина. — М.: Прогресс-Традиция, 2014. — 608 с.
24. Свитич Л.Г. Современная периодика: поле понятий и терминов [Текст] / Л.Г. Свитич // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». — 2013. — № 6. — С. 6–24.
25. Сендеров В. К 70-летию Александра Солженицына (Ответы на вопросы анкеты журнала «Выбор») [Текст] / В. Сендеров // Вестник русского христианского движения. — 1988. — № 3. — С. 99–105.
26. Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: Сборник статей [Текст]. — М.: Русский путь, 2010. — 720 с.
27. Солженицынские тетради: Материалы и исследования [Текст]: [альманах]. — Вып. 1. — М.: Русский путь, 2012. — 344 с.
28. Солова А.С. Особенности коммуникативного воздействия на читательскую аудиторию медийных текстов А.И. Солженицына [Текст] / А.С. Солова // Инновационные технологии в науке и образовании. — 2015. — № 1. — С. 281–283.
29. Струве Н.А. О Гарвардской речи Солженицына [Текст] / Н.А. Струве // Вестник РХД. — 1978. — № 3. — С. 207–210.
30. Федотова О.С. Условия успешного коммуникативного взаимодействия «автор-читатель» в письменном дискурсе [Текст] / О.С. Федотова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 10–13.

31. Холмогоров Е.С. Старый порядок и реставрация. Идеология Солженицына в координатах анти-Просвещения [Текст] / Е.С. Холмогоров // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 2. — С. 169–202.
 32. Хренов Н.А. Русская литература, русская философия и «русская идея»: некоторые суждения по поводу дискуссий о Солженицыне [Текст] / Н.А. Хренов // Литература в системе культуры. К семидесятилетию профессора И.В. Кондакова: сб. ст. по итогам Международной научно-практической конференции, Москва, 15 апреля 2017 года. — М.: Академия социального управления, 2017. — С. 96–105.
 33. Шешунова С. Колесо и крест [Текст] / С. Шешунова // Посев. — 2003. — № 12. — С. 3–6.
 34. Шнеерсон М.А. Александр Солженицын: очерки творчества [Текст] / М.А. Шнеерсон. — Frankfurt am Main: Посев, 1984. — 297 с.
 35. Штурман Д.М. Городу и миру: о публицистике А.И. Солженицына [Текст] / Д.М. Штурман. — Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988. — 432 с.
 36. Щедрина Н.М. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века [Текст] / Н.М. Щедрина. — М.: Памятники ист. мысли, 2010. — 336 с.
- ### References
1. Bajbatyrova N.M. Prognostic journalism of authors of the Russian diaspora of the second half of the XX century] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of Volgograd State University. Series 8: Literary Studies. Journalism], 2016, no. 1, pp. 51–56. (in Russian)
 2. Vanyukov A.I. *Literaturnyj HKH vek: perevaly, perekryostki, pereput'ya* [Literary twentieth century: passes, intersections, crossroads]. Saratov: Saratov University Publ., 2017. 324 p.
 3. Vinogradov I.I. *Duhovnye iskaniya russkoj literatury* [Spiritual quest of Russian literature]. Moscow, Russkij put' Publ., 2005. 672 p.
 4. Volkov S.M. *Istoriya russkoj kultury XX veka ot L'va Tolstogo do Aleksandra Solzhenitsyna* [History of Russian culture of the XX century from Leo Tolstoy to Alexander Solzhenitsyn]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 352 p.
 5. Gerasimova L.E. The religious meaning of A.I. Solzhenitsyn's article «Not to live by lies!». *Mezhregional'nye Pimenovskie chteniya* [Interregional Pimenov Readings], 2014, no. 11, pp. 217–225. (in Russian)
 6. Gerasimova L.E. Artistic word in the journalism of A.I. Solzhenitsyn. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism], 2014, vol. 14, no. 2, pp. 27–31. (in Russian)
 7. Gluhova N.I. Perception of the space of unfreedom in the poetic works of A.I. Solzhenitsyn. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences], 2021, vol. 25, no. 1, pp. 135–142. (in Russian)
 8. Gojhman O.Ya. Communication studies in modern society. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies], 2012, vol. 1, no. 1, pp. 4–8. (in Russian)
 9. Golubkov M.M. *Aleksandr Solzhenitsyn* [Alexander Solzhenitsyn]. Moscow, Moscow University Publ., 2001. 111 p.
 10. Golubkov M.M., Zhujkova E.V. In the space of A.I. Solzhenitsyn's prose: general artistic principles. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological regionalism], 2013, no. 2, pp. 7–12. (in Russian)
 11. Ivanova M.V. «Prophetic ministry» by A. I. Solzhenitsyn (Russian emigration about the writer). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relations], 2008, no. 2, pp. 51–59. (in Russian)
 12. Kozhokin E.M. Alexander Solzhenitsyn and politics. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2019, no. 1, pp. 149–166. (in Russian)
 13. Kolesov V.V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006. 624 s.
 14. Kruglikova O.S., Shapovalova K.A. F.M. Dostoevsky and A.I. Solzhenitsyn: continuity of ideas in journalism. *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2019, no. 1, pp. 103–117. (in Russian)
 15. Kulikova T.D. *Publitsystika A.I. Solzhenitsyna. Process kommunikacii: ot informacionnogo buma do informacionnogo vakuuma: 1960–1994 gg. Autoref. Cand. Diss.* [A.I. Solzhenitsyn's journalism. The process of communication: from the information boom to the information vacuum: 1960–1994. abstract. Autoref. Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2004. 22 p.
 16. Marushchak A.V. Specificity of journalistic texts of the Russian press during the Khrushchev «thaw» (1953–1964). *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], 2009, no. 1, pp.134–141. (in Russian)
 17. Niva Zh. *Aleksandr Solzhenitsyn: Borec i pisatel'* [Alexander Solzhenitsyn: Wrestler and writer]. Saint Petersburg, Vita Nova Publ., 2014. 354 p.
 18. Palamarchuk P.G. *Aleksandr Solzhenitsyn: Putevoditel'* [Alexander Solzhenitsyn: Guidebook]. Moscow, Stolica Publ., 1991. 96 p.
 19. Polonskij A.V. Journalism as a special kind of creative activity. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* [Questions of journalism, pedagogy, linguistics], 2008, vol. 11, no. 1, pp. 56–61. (in Russian)
 20. Prohorov E.P. *Iskusstvo publitsystiki* [The art of journalism.]. Moscow, Sovet pisatel' Publ., 1984. 359 p.
 21. *Put' Solzhenitsyna v kontekste Bol'shogo Vremeni: Sbornik pamyati: 1918–2008* [Solzhenitsyn's Path in the context of Big Time: A collection of memories: 1918–2008]. Moscow, Russkij put' Publ., 2009. 480 p.
 22. Saraskina L.I. *Solzhenitsyn* [Solzhenitsyn]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 992 p.
 23. Saraskina L.I. *Solzhenitsyn i media v prostranstve sovetskoj i postsovetskoj kultury* [Solzhenitsyn and media in the space of Soviet and post-Soviet culture]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2014. 608 p.
 24. Svitich L.G. Modern periodicals: the field of concepts and terms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Bulletin of the Moscow University. Series 10: Journalism], 2013, no. 6, pp. 6–24. (in Russian)
 25. Senderov V. To the 70th anniversary of Alexander Solzhenitsyn (Answers to the questionnaire questions of the magazine «Choice»). *Vestnik russkogo hristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 1988, no. 3 (154), pp. 99–105. (in Russian)
 26. *Solzhenitsyn: Myslitel', istorik, hudozhnik. Zapadnaya kritika, 1974–2008: sbornik statej* [Solzhenitsyn: Thinker, historian, artist. Western Criticism, 1974–2008: Collection of articles]. Moscow, Russkij put' Publ., 2010. 720 p.
 27. *Solzhenitsynskie tetrady: Materialy i issledovaniya: [al'manah]*. Vol. 1. Moscow, Russkij put' Publ., 2012. 344 p.
 28. Sopova A.S. Features of communicative influence on the readership of media texts by A.I. Solzhenitsyn. *Innovacionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [Innovative technologies in science and education], 2015, no. 1, pp. 281–283. (in Russian)
 29. Struve N.A. About Solzhenitsyn's Harvard speech. *Vestnik RHD* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1978, no. 3, pp. 207–210. (in Russian)
 30. Fedotova O.S. Conditions of successful communicative interaction «author–reader» in written discourse. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies], 2022, vol. 11, no. 6, pp. 10–13. (in Russian)
 31. Holmogorov E.S. Old order and restoration. Solzhenitsyn's Ideology in the coordinates of the Anti-Enlightenment. *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2018, no. 2, pp. 169–202. (in Russian)

32. Hrenov N.A. Russian literature Russian philosophy and the «Russian idea»: some judgments about the discussions about Solzhenitsyn. *Literatura v sisteme kul'tury. K semidesyatiletiju professora I. V. Kondakova: sb. st. po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 15 aprelya 2017 goda* [Literature in the system of culture. To the seventieth anniversary of Professor I.V. Kondakov: collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 15, 2017]. Moscow, Akademiya social'nogo upravleniya Publ., 2017, pp. 96–105.
33. Sheshunova S. Wheel and Cross. Posev [Sowing], 2003, no. 12, pp. 3–6. (in Russian)
34. Shneerson M.A. *Aleksandr Solzhenitsyn: ocherki tvorchestva* [Alexander Solzhenitsyn: essays of creativity]. Frankfurt am Main, Posev Publ. 1984. 297 p.
35. Shturman D.M. *Gorodu i miru: o publitsystike A.I. Solzhenitsyna* [To the City and the world: about the journalism of A.I. Solzhenitsyn]. Paris; New York, Third Wave Publ., 1988. 432 p.
36. Shchedrina N.M. «Krasnoe Koleso» A. Solzhenitsyna i russkaya istoricheskaya proza vtoroj poloviny XX veka [«The Red Wheel» by A. Solzhenitsyn and Russian historical prose of the second half of the XX century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2010. 336 p.